

Миронов Анатолий Николаевич,
соискатель Института государства и права
РАН; заведующий филиалом № 5
Московской коллегии адвокатов «Защита»
в г. Солнечногорске
141503, Московская область,
г. Солнечногорск, ул. Советская, д. 9, оф. 7
email: miran2021@yandex.ru

Mironov, Anatoly N.,
Candidate of the Institute of State and Law of the
Russian Academy of Sciences;
Head of Branch No. 5 Moscow Bar Association
«Protection» in Solnechnogorsk,
7-9 Sovetskaya Str., Solnechnogorsk,
Moscow region, 141503, Russian Federation,
email: miran2021@yandex.ru

ЭКСТРАДИЦИЯ: ПРАВОВЫЕ ИСТОКИ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ

EXTRADITION: LEGAL ORIGINS AND THE PERIODIZATION OF ITS DEVELOPMENT

АННОТАЦИЯ. В теории уголовного права продолжают споры практически по всем юридическим аспектам института экстрадиции, начиная с определения его правовой природы и правовых истоков и заканчивая вопросами целесообразности подготовки унифицированного национального нормативного правового акта, посвященного данному вопросу. Их решение, как представляется, затруднено тем, что в доктрине до настоящего времени не выработана однозначная позиция о том, к какой отрасли права – международного, международного уголовного, международного уголовно-процессуального, уголовного или уголовно-процессуального – относится выдача (экстрадиция). Все это ведет к определенной изолированности исследований. При этом практически ни один исследователь не подвергает сомнению тот факт, что данный институт имеет многовековую историю и межотраслевой характер.

В работе представлен анализ дискуссионных вопросов, относящихся к истокам законодательного регулирования выдачи преступников в России, социально-правовой обоснованности существования института экстрадиции, понятия, признаков и правовой природы выдачи преступников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстрадиция, выдача лица, передача лица, убежище, правовая помощь, экстрадиционное право, международное право, уголовное право, история уголовного права

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Миронов, А. Н. Экстрадиция: правовые истоки и периодизация ее развития / А. Н. Миронов. – Текст: непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 186–198. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-24

ABSTRACT. In the theory of criminal law, disputes continue on almost all legal aspects of the institution of extradition, starting with the definition of its legal nature and legal origins and ending with the issues of the expediency of preparing a unified national normative legal act on this issue. Their solution seems to be complicated by the fact that the doctrine has not yet developed an unambiguous position on which branch of law – international, international criminal, international criminal procedure, criminal or criminal procedure – extradition (extradition) refers to. All this leads to a certain isolation of research. At the same time, practically no researcher questions the fact that this institute has a centuries-old history and an interdisciplinary character.

The paper presents an analysis of controversial issues related to the origins of the legislative regulation of extradition of criminals in Russia, the socio-legal validity of the existence of the institution of extradition, the concept, signs and legal nature of extradition of criminals.

KEYWORDS: extradition, extradition of a person, transfer of a person, asylum, legal assistance, extradition law, international law, criminal law, history of criminal law

FOR CITATION:

Mironov, A. N. (2025) Extradition: Legal Origins and the Periodization of its Development. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(4): 186–198 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-4-24

В литературе история экстрадиционного права рассматривается в неразрывной связи с генезисом права убежища. Это вполне объяснимо, поскольку указанные институты связаны генетически, имеют в качестве выдаваемого (или, наоборот, невыдаваемого) лицо, совершившее преступление, хотя и находятся при этом на диаметрально противоположных точках континуума. Применение одного института исключает применение другого. Если право выдачи преследует цель привлечения виновного к уголовной ответственности за преступление, совершенное на территории другого государства, то право убежища, возникнув, как и право выдачи преступника, в древности, выполняет иную функцию, обусловленную межобщинными отношениями, – ограничения кровной мести. Оно обеспечивало безопасность лица, ограждало его от самосуда. Убежищем могли выступать: шатер – у арабов; алтарь – у евреев; очаг любого дома – в Древней Греции. Константин Великий объявил таковым все церкви, а Феодосий II отнес к нему все здания, принадлежащие церкви. По законам Моисея вначале у евреев было три, а затем шесть городов, которые служили убежищем. Лица, скрывавшиеся в таком городе, не подлежали выдаче, а предавались суду общины (кроме убийц, которые выдавались потерпевшим) [39].

Ф. Ф. Мартенс считает, что институт экстрадиции начал складываться еще в Древнем мире [15, с. 383]. Например, в Древнем Риме существовало правило *aut dedere aut punire* («выдать или наказать»). Гуго Гроций в связи с этим констатировал: «Государство, в котором находится тот, кто уличен в преступлении, должно или само по требованию другого государства наказать по заслугам преступника, или же предоставить это усмотрению соответствующего государства» [8, с. 508–509].

Кстати сказать, именно с экстрадиции как правового института берет свое начало международное уголовное право [12; 20; 36].

Проблема периодизации становления и развития рассматриваемого института относится к числу дискуссионных. Так, в международном праве выделяются три периода в истории экстрадиции [15, с. 383–393]:

1) с древних времен до конца XVII в. – выдача в основном имела место в отношении поли-

тических преступников, а также в отношении еретиков и перебежчиков;

2) с начала XVIII до 40-х гг. XIX в. – растет число заключаемых договоров, согласно которым объектами экстрадиции выступают не только бунтовщики и перебежчики, в частности дезертиры и беглые военные, но и лица, совершившие общеуголовные преступления;

3) с 1840 г. – государства начали согласованную кампанию в отношении беглых преступников, совершивших деяния, не имеющие политических целей и наказуемые по общеуголовным законам.

При оценке этой периодизации института экстрадиции надо иметь в виду, что Ф. Ф. Мартенс оценивал историю его развития по состоянию на вторую половину XIX в., к тому же применительно к международному праву.

Ш. Бассиони увеличил количество этапов развития экстрадиции, добавив еще один период, делящийся с 1948 г., «когда на первый план вышла необходимость построения системы международной безопасности и предупреждения преступлений против мира и безопасности человечества» [3, с. 9].

Периодизация экстрадиции пока не получила завершеного вида. Имеющиеся лакуны (столетний разрыв в этапах), по сути, лишают ее научной ценности, не позволяют составить цельную, последовательную картину эволюции данного института.

Некоторые российские криминалисты в своих исследованиях использовали эти две периодизации, не внося в них каких-либо коррективов [3, с. 9–10]. Другие предприняли попытки выделить этапы становления и развития института экстрадиции в России. Например, А. Г. Вениаминов выделяет пять таких этапов: периоды Киевской Руси, Московского централизованного государства, Российской империи, Советского государства и современность [4, с. 16]. Уязвимость подобной периодизации очевидна: она не основана на собственно истории становления и развития экстрадиции, а исходит из общеисторической периодизации истории России.

Многие российские ученые начало истории экстрадиции связывают с межгосударственными актами раннего Средневековья. Однако при определении появления экстрадиции в российском праве и практике надо иметь в

виду замечание Д. П. Никольского, ставящего под сомнение ее наличие в древние времена. Он пишет: «...в те времена не существовало самого международного права, а следовательно, не могло быть и выдачи в том виде, как мы ее понимаем теперь... Выдача основана на правовых нормах, признаваемых народами во взаимных своих сношениях. Но можем ли мы сказать, что в древности существовало сознание необходимости охраны международного порядка? Первобытные народы... чуждались взаимных сношений. Каждый народ жил обособленно, независимо, самобытно... как же при таких условиях могла существовать выдача?.. Вспомним, какую роль в древности играл институт гостеприимства, по своему существу исключаящий выдачу. Выдача как нарушение гостеприимства, освященного всеми древними культами, считалась в высшей степени безнравственным и преступным деянием... Государства... смотрели на иностранца как на врага, что... исключало возможность выдачи: зачем выдавать, когда можно самому казнить, изгнать, обратить в рабство» [18, с. 44].

Автор приходит к выводу, что можно лишь говорить об отдельных случаях выдачи иностранного гражданина в древности, а не о выдаче как правовом институте, основанном на правосознании народов разных государств, на признании необходимости экстрадиции как меры, обеспечивающей международный правопорядок.

В российской (как дореволюционной, так и современной) литературе появление экстрадиции принято связывать с договорами с Византией, заключенными соответственно Олегом в 911 г., Игорем в 944 (945) г., Святославом в 971 г. [2; 7; 6; 15; 17; 33].

Как нам представляется, это утверждение впервые подверг сомнению К. С. Родионов. На основании сопоставления всех дошедших до нас оригиналов договоров он пришел к выводу, что имеет место некорректная интерпретация ст. 14 договора 911 г., в частности термин «злодей» истолкован как «преступник». Между тем в указанной статье говорится об «удолжающем», т. е. оставшемся в долгу [10, с. 35]. «...Вопреки распространенному в русской юридической литературе мнению, речь идет не о выдаче как международно-правовом институте, а о древнем обычае – личных репрессалиях, выражав-

шихся в принудительном возвращении самим кредитором своего должника и доставлении его собственными силами и средствами в суд для взыскания с него долга, т. е. об исполнении должником обязательства, регламентированного нормами гражданского права» [28, с. 75].

Генезис института экстрадиции в России в целом характеризуется так же, как и в других странах Западной Европы. Следовательно, он не мог возникнуть раньше, чем в западноевропейских государствах, где его появление как международно-правового явления датируется не ранее чем XV в. Кроме того, надо иметь в виду, что с точки зрения государственного устройства для Киевской Руси была характерна система сюзеренитета – вассалитета; развитие феодальных отношений вело к раздробленности государства. Международные отношения, по сути, были в зачаточном состоянии, в русской жизни господствовало так называемое личное начало.

Д. П. Никольский, исследовав весь массив «Собрания государственных грамот и договоров» до XVII в., не выявил ни одного международного соглашения или сделки о выдаче преступников [18, с. 83]. Имелись лишь внутрисударственные акты, так или иначе регламентировавшие выезд за границу. Например, в ст. 33 гл. 11 Соборного уложения 1649 г. говорится: «А от которых всяких чинов от помещиков и от вотчинников и с порубежных городов бегают за рубеж люди их и крестьяне, а быв за рубежом, пришел из-за рубежа, у старых своих помещиков и вотчинников жити не похотят, учнут просити воли, и тех беглых людей и крестьян спрашивая отдавати старым их помещиком из-за кого они бегали, а воли им не давати» [31, с. 157].

Суть этой нормы проста: побег за границу не освобождал крестьян и холопов (людей) от крепостной зависимости. Аналогичного характера норма содержалась и в ст. 34 гл. 11 Соборного уложения.

Указом от 8 февраля 1716 г. «Об учинении в разных губернских городах и в прочих местах на дорогах к польскому рубежу застав и о непропуске за границу» было запрещено выпускать кого-либо в Польшу; причем запрет распространялся и на лиц, имевших подорожные, подписанные самим царем [22, с. 541]. 20 ноября 1728 г. вышел Указ о наказании за подстре-

кательство к побегу в Польшу (либо вообще за границу); виновных в содействии переходу за границу предполагалось вешать [23, с. 116–117]. Аналогичное наказание предусматривалось за покушение на подобного рода действия [18, с. 83].

Д. П. Никольский делает вывод, что принимаемые властями меры обусловлены тем, что «в то время о выдаче не могло быть и речи; если бы московское правительство было уверено, что его требование о выдаче русских беглецов будет уважено иностранным правительством, то и не считало бы нужным принимать такие строгие меры против беглых» [18, с. 84].

В связи с изложенным также сомнительным представляется утверждение А. И. Бойцова, который на основании сказанного Ф. Ф. Мартенсом говорит о том, что имелись обязательства о выдаче преступников по договору Новгорода с немцами, заключенному в конце XII в. [3, с. 23].

И. В. Очкасова утверждает, что нормы о выдаче преступников содержались в Русской Правде, в частности в ст. 5 и 8 [19, с. 34]. Ошибка автора становится очевидной при обращении к тексту указанных статей. В первой из них говорится: «Будет ли головник их в верви, зан(е) к ним прикладывает, того же дела им помогати головнику, либо си дикую виру, но спла(ти)ти им вообчи 40 гривен; а головничество, (а то) самому головнику, а в 40 гривен заплатити ис дружины свою часть» [29, с. 64].

Комментируя данную статью, Я. Н. Щапов отмечает, что она предусматривает случай уплаты виры вервью, «когда убийца – член общины и, как таковой, участвует (прикладывает) в денежной складчине для общих выплат от имени общины. Тогда община помогает преступнику в выплате виры в 40 гривен или... сама платит за него... Вторая часть статьи менее ясна. Кроме виры, преступник – член общины сам платит еще головничество, а что касается 40 гривен, то преступник участвует в их выплате вместе со всем коллективом» [29, с. 86]. Таким образом, ст. 5 Пространной редакции Русской Правды устанавливает порядок выплаты виры и никакого отношения не имеет к выдаче преступника как международно-правовому акту.

Статья 8 Пространной редакции Русской Правды, на которую, как говорилось, ссылается И. В. Очкасова, существенно дополняет нормы, предусматривающие ответственность общины

за преступление ее члена [29, с. 64]. Другими словами, регулируемые ею отношения также находятся вне экстрадиционной сферы.

По нашему мнению, в Соборном уложении 1649 г. получили развитие нормы о выкупе пленных, содержащиеся в Судебниках 1497 и 1550 гг. В первом из судебников содержится одна норма, посвященная пленным. В ст. 56 Судебника 1497 г. говорится: «А холопа полонит рать татарская, а выбежит ис полону, и он свободен, а старому государю не холоп» [30, с. 61].

Государство прилагало большие усилия по возвращению пленных. В XVI в. даже существовал специальный налог – «полоняничные деньги», которые использовались для выкупа пленных [13; 40]. Кроме того, освобождение бежавшего из татарского плена холопа могло рассматриваться как награда за участие в борьбе с татарами [34, с. 91]. Указанные обстоятельства, по нашему мнению, нельзя интерпретировать как выдачу преступника даже в том случае, когда речь идет о признании сдавшегося в плен преступником. Достаточно сказать, что при экстрадиции выдаваемый не выкупается, за его выдачу государству места нахождения преступника деньги не выплачиваются, в противном случае выдача виновного в совершении преступления превратилась бы в банальную сделку. Кроме того, в такой ситуации речь не идет о наличии межгосударственного договора.

Судебник 1550 г. вообще ничего не говорит о пленных и их выкупе [31, с. 75].

Как нам представляется, в литературе иногда смешиваются два социально-правовых явления, которые безосновательно именуется экстрадицией: выдача преступников как международно-правовой институт сотрудничества в борьбе с преступностью и выдача беглых холопов своим владельцам как внутригосударственная мера обеспечения порядка в стране, поскольку массовое бегство крестьян от своих хозяев ставило в опасность сокращения обрабатываемых земельных площадей, разорения феодалов. Именно с целью пресечения подобных действий правительством были приняты в 1581 г. Заповедные лета (заповедь – повеление, запрет) [38, с. 121], а в 1598 г. – Урочные лета (срок давности сыска крестьян) [1].

Соборное уложение 1649 г. действительно затрагивает отдельные вопросы регулирования международного сотрудничества. В главе

VI «О проезжих грамотах в иные государства» содержится правовая регламентация выезда за рубежи Московского государства, в основе которых лежит практика Посольского приказа [14, с. 47], но при этом в ней, вопреки утверждениям И. В. Очкасовой, нет ни одной нормы, хоть как-то относящейся к экстрадиции.

Некоторые современные ученые [12, с. 135] отсчет истории экстрадиции ведут с Договорной записи со Швецией от 19 октября 1649 г. [21, с. 172–221], согласно которой страны условились выдавать всех перебежавших после 1 сентября 1647 г. лиц и «впредь никаких перебежчиков не принимать и с одной стороны на другую не подзывать и не подговаривать» [35, с. 135].

Этим памятником русского права все перебежчики делились на две группы. К первой относились те, кто со времени Столбовского мирного договора, т. е. с 1617 по 1646 г., переехал из Швеции в Россию. Этих «причинных и непричинных нашенных и иных всяких людей» решено было считать «безо всякой розни» русскими подданными. Аналогичное правило распространялось и на лиц, оказавшихся в Швеции, – они признавались шведскими подданными. «Любопытно, – отмечает Д. П. Никольский, – ...русское правительство считало этих перебежчиков из Швеции как бы некоторым благодеянием неба, ниспосланным для умножения населения в России, потому обязалось выплатить за них шведскому правительству королевы Христины 190 000 руб., т. е. сумму очень крупную по тому времени. В “записи” подробно указан порядок выдачи и передачи этих денег в Швецию» [35, с. 135].

Во вторую группу входили лица, бежавшие из России в Швецию или из Швеции в Россию после 1 сентября 1647 г. Они подлежали взаимной выдаче. Эти перебежчики были крепостными крестьянами, помещики должны были сообщать об их побеге. Если же последние скрывали факт побега или искажали его обстоятельства (например, заявляли, что крепостные перебежали в Литву или умерли), то в случае выявления обмана помещик подлежал смертной казни, а в отношении перебежчиков направлялось требование об их выдаче. В случае смерти перебежчика в стране убежища его имущество должно было выдаваться стране-истцу.

Организацией выдачи занимались особые комиссары. Если перебежчик возражал против экстрадиции, утверждая, что бежал до 1 сентября 1647 г., то споры предполагалось «разводить крестным целованием». Лица, необоснованно включившие перебежчиков во вторую группу (т. е. прибывших в страну после 1647 г.), подлежали строгому наказанию.

Следует заметить, что Договорная запись обладала ретроактивностью, т. е. распространялась на деяния, имевшие место до ее принятия. На действия, совершенные после ее вступления в силу, распространялась ст. 20 Столбовского мирного договора. Правом требования экстрадиции наделялись воеводы и губернаторы. Они же несли ответственность за невыполнение требования о выдаче беглого, а также возмещали убытки тому, «из-за кого тот перебежчик бежал», т. е. его господину, помещику.

Строго говоря, Договорная запись регулирует выдачу не преступников, а вообще иностранных подданных, независимо от того, обвинялись ли перебежчики в совершении какого-либо конкретного преступления. Вероятно, логика составителей документа была следующей: коль скоро бегство как таковое само по себе влекло выдачу, то, следовательно, и всякий беглый преступник подлежал экстрадиции. Разумеется, документ не содержит определения условий выдачи, а тем более – каких-либо гарантий прав экстрадируемого. «Но тем не менее и в такой несовершенной форме этот договор допетровской эпохи доказывает, что и московскому правительству присуще было сознание если не солидарности, то, по крайней мере, интереса своего в международном обеспечении преследования преступников. Если бы такого сознания не было, то и самый договор не мог бы возникнуть» [18, с. 85].

В дореволюционной литературе появление экстрадиции как международно-правового акта связывают с указанной Договорной записью [9, с. 10]. Причем отмечается, что «...Петровская реформа не создала международных отношений и договоров – они были и раньше Петра, но она сделала их более определенными, поставила их на более твердую почву. Дальнейшая история выдачи в России вращается главным образом около выдачи дезертиров из сухопутных армий и флота. Для первых заключались карательные конвенции, а относитель-

но вторых говорилось в договорах торговли и мореплавания» [18, с. 85].

Основы экстрадиции, заложенные в Договорной записи, получили дальнейшее развитие в договоре России со Швецией 21 июня 1661 г. «О вечном мире между обеими державами» и конвенциях о выдаче 1798, 1801 и 1810 гг.

Статья 21 договора содержит определение о выдаче преступников. В ней говорится: «...всех тех, которые после сего вечного миру и договору, для измены, душегубства, татъбы или для каковы причины то не может быть, так же и те, которые и без причины... перебегут одни или с женами и с детьми; и тем причинным людям, и всем перебежчиком, каковы природы они ни могут быть, с женами и с детьми, и со всем, что они украли, пограбили или инако с собою увезли, когда та часть, от которой они сбежали, о том попросит от другой части, без отказа назад выданы им быть, чтобы приехать им на свои прежние места».

Характеризуя эту норму, Э. Симсон указывает, что выдача распространялась не только на перебежчиков, как по Договору 1649 г., но и на преступников. Это обстоятельство подчеркивает прогрессивный характер экстрадиционного акта [33, с. 99].

О собственных гражданах в договоре 1661 г. ничего не говорится, поэтому может сложиться ложное впечатление о том, что они также входили в число экстрадируемых. Однако это не так. «Изъятие собственных подданных от выдачи было делом, которое разумелось само собою, так что не считали нужным упоминать о нем. Но также из определения Договора видно, что речь идет только о подданных требующей стороны. Говорится “без отказа назад выданы им быть, чтобы приехать им на свои прежние места”. Назад мог быть выдан тот, который раньше жил в области требующей стороны, только ее подданный» [33, с. 100].

Если посмотреть на заключавшиеся в начале XIX в. договоры о выдаче с точки зрения географии, то очевидным становится непреложный факт: Россия стремилась урегулировать отношения в экстрадиционной сфере прежде всего с сопредельными странами. Так, 13 (25) февраля 1804 г. был заключен договор о выдаче с Пруссией [16]. Выдаче подлежали:

– все состоящие на военной службе в случае их дезертирства, независимо от их националь-

ной принадлежности; лицо подлежало выдаче армии той страны, откуда был совершен последний побег. Правом требовать выдачи наделялось ближайшее военное или гражданское начальство;

– преступники; при этом имела значение подсудность по месту совершения преступления, если виновного задерживали на территории государства, где было учинено деяние. Если же виновный бежал оттуда в государство, чьим подданным являлся, то суд последнего должен был наказать по своим законам. Сомнения относительно преступности и наказуемости деяния разрешались двусторонней комиссией, которой руководил представитель запрашивающего государства.

Требования о выдаче предъявлялись в России в губернские правления, в Пруссии – в камер-военную и коронную волости.

8/20 января 1808 г. Россия заключила конвенцию с Австрией о выдаче дезертиров. Выдача последних была признана необходимой, чтобы предупредить возможные недоразумения, исключить поводы к спорам между государствами. 10 (24) марта 1810 г. была заключена конвенция о выдаче дезертиров-моряков. 26 мая (7 июня) 1810 г. страны заключили новую конвенцию (прежняя не была ратифицирована Австрией), буквально воспроизводящую предыдущий документ. Но и она просуществовала всего пять лет; 5 июня 1815 г. была принята другая конвенция, отличавшаяся от действовавшей до этого только редакцией ряда норм (14 июля 1822 г. она была дополнена новой статьей).

По сути, аналогичного характера конвенции Россией были заключены: 27 марта (8 апреля) 1812 г. со Швецией; 13 (26 мая) 1816 г. с Пруссией (24 марта 1817 г. конвенция была дополнена новой статьей, а редакция ряда норм претерпела изменения); в связи с истечением срока действия этой конвенции 17 (29) марта 1830 г. была заключена новая конвенция.

Следует особо сказать о договорах России с Пруссией и Австрией о выдаче политических преступников. 7 (19) ноября 1833 г. Россия заключила соглашение с Австрией, согласно которому предусматривалась выдача политических преступников. Поводом к этому послужило Польское восстание 1830 г. Необходимо отметить отношение Австрии к исполнению обязательств по этой конвенции. Во время ука-

занного восстания она выдавала России политических преступников, а отказ в выдаче князя Чарторыйского и графа Ледоховского мотивировала тем, что политические преступники выдаче не подлежат.

В связи с непрекращающейся деятельностью польских активистов уже после подавления восстания Татищев инициировал заключение конвенции между тремя странами – Россией, Австрией и Пруссией. По плану соглашения, составленному князем Паскевичем, государства обязались: 1) оказывать помощь войсками в случае бунта в одной из стран; 2) выдавать преступников, виновных в измене или «возмущении»; 3) поляки, состоящие под надзором в одном государстве, должны быть под ним и в другом; 4) в вольный г. Краков предполагалось ввести войска указанных государств.

Проект конвенции, разработанный Татищевым, состоял всего из трех статей. Согласно ст. 1 государства должны были сформировать корпус военных из 15–20 тыс. человек, который будет использоваться для подавления восстания. В соответствии со ст. 2 все «решения уголовных и гражданских судов взаимно обязательны». На основании ст. 3 пограничные сношения должны быть строго регламентированы; имения, в которых находились подданные разных государств, следовало реорганизовать, создав поселения с населением, имеющим единое подданство.

Соглашение не было одобрено договаривающимися странами. В меморандуме от 9 июня 1832 г. отмечалось, что «в основе конвенции должны лежать: 1) “солидарность интересов 3-х держав в сохранении спокойствия в польских владениях” и 2) “общность прав и обязанностей”, поэтому державы обязаны выдавать преступников, обвиняемых в посягательстве “на верховные права монархов и существующий порядок”. Для этого необходимы: взаимная гарантия, вспомогательные войска, выдача преступников, занятие Кракова, надзор за всеми подозрительными личностями и преследование тайных (“патриотических”) обществ» [18, с. 101].

Конвенция между указанными странами была согласована только в 1833 г., а обнародована 6 февраля 1834 г.

С указанной конвенцией в определенной связи находилась Берлинская конвенция 3 (15)

октября 1833 г., предусмотревшая для России, Австрии и Пруссии право на взаимную выдачу преступников и помощь в борьбе с бунтовщиками и нарушителями законного порядка.

В этот же период времени в России был подготовлен проект уголовного уложения Российской империи 1813 г. [24–26]. Уложение не упоминает выдачу преступников, а ряд вопросов, связанных с совершением преступления за пределами территории России, регламентирует при характеристике подсудности уголовных дел. Так, в § 108 Уложения говорится:

«По сему Уголовному уложению судятся и за вины свои наказываются...:

2) Все подданные российские, учинившие вне России такое преступление, коим общественная безопасность государства нарушена, как то: измену или предательство, подлог государственной печатью, делание фальшивой монеты, или ассигнаций, или банковских билетов и т. п.

3) Всякий из российских подданных, учинивший вне России преступление, нарушающее права частного гражданина из российских же подданных, буде он никаким иностранным судилищем за ту свою вину судим не был.

4) Всякий иностранец, учинивший вне России преступление, нарушающее общественную безопасность Российского государства, буде он может быть захвачен в России или истребован от иностранного правительства» [24, с. 47–48].

По сути, в этой статье к экстрадиции относится лишь положение о возможности требования выдачи виновного государством места его пребывания. В остальном же речь идет о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов России.

С 1834 по 1866 г. вопросы экстрадиции чаще всего регламентировались в актах, в целом посвященных торговле и мореплаванию, хотя в это же время Россией был заключен ряд конвенций, предметом регулирования которых являлась выдача преступников.

В этот период в России шла работа над Уложением о наказаниях уголовных и исправительных. В проекте экстрадиции посвящалась только ст. 11, однако концептуальные основы экстрадиции, заложенные в нем, нельзя уяснить должным образом без обращения к ст. 7–9 Уложения. Их целесообразно процитировать полностью.

Статья 7: «Действие постановления сего уложения распространяется на преступные деяния, учиненные вне пределов России:

1) когда русскими подданными учинены преступления или проступки;

2) когда русскими подданными учинены нарушения в государствах, с коими о наказуемости таких нарушений существуют особые договоры;

3) когда иностранцами учинены преступления или же такие проступки, коими они посягали на права русских подданных».

Статья 8: «При применении статьи 7 соблюдаются следующие правила:

1) уголовное преследование не возбуждается: – если деяние не запрещено законом места его учинения, за исключением случаев, в статьях... означенных;

– если виновный отбыл за учиненное им деяние наказание, или был оправдан, или освобожден от наказания по приговору иностранного суда, вошедшему в законную силу;

– если деяние относится к числу тех, по коим, согласно ст. 11, не допускается выдача;

2) уголовное преследование возбуждается не иначе, как по требованию подлежащих иностранных властей или по жалобе потерпевшего, если виновный посягнул на права иностранного государства или иностранных подданных;

3) наказание уменьшается в порядке, статьей 53 установленном, если виновный уже отбыл часть назначенного ему по приговору иностранного суда наказания, или если законами места учинения деяния полагается наказание менее против определяемого в сем уложении; правило сие не распространяется на деяния, статьями... предусмотренные».

Статья 9: «Русские подданные, отбывшие за границей наказание за деяние, именуемое по уложению преступлением, по возвращении их в Россию приговариваются русским судом, в особо установленном порядке, к лишению прав и к отдаче под надзор полиции, а отбывшие наказание за деяния, статьями... предусмотренные, приговариваются и к поселению» [27].

Таким образом, в указанных статьях регламентируется два принципиальных момента: действие уголовного закона в пространстве и действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления вне пределов России. Кроме того, в ст. 8–9 закрепляются прави-

ла наказания лиц, учинивших преступления на территории другого государства.

Статья 11: «Иностранцы, учинившие вне пределов России преступление или проступок, подлежат выдаче, согласно с существующими о том договорами или по установившимся началам взаимности, если они не были по законам, действовавшим в России, за то деяние наказаны, оправданы или освобождены от наказания в установленном порядке.

На том же основании подлежат выдаче, если в сем отношении существует взаимность со стороны державы, требующей выдачи:

1) иностранцы, учинившие преступления или проступки, хотя бы и вызванные политическими побуждениями или совершенные совместно с политическим преступлением или проступком или по поводу таковых;

2) иностранцы, обвиняемые в посягательстве на жизнь или здоровье главы иностранного государства.

Не подлежат выдаче иностранцы, учинившие преступление или проступок политические, направленные против иностранного государства и соответствующие преступлениям или проступкам, предусмотренным статьями... сего уложения» [27].

Статья 11 проекта уложения – новелла в российском уголовном законодательстве. Редакционная комиссия учла замечания на законопроект, в том числе и поступившие от зарубежных криминалистов (например, Листа, Гейера и др.), общественных организаций (например, С.-Петербургского юридического общества и др.). Ее появление – пример заимствования нормы из зарубежного законодательства, а также реализации положений науки международного права. Но при всем этом признано, что «начала выдачи должны быть установлены законами уголовными и уставами уголовного судопроизводства, в связи с принятым в них началом ответственности за преступления и проступки, совершенные за пределами государства, так как оба эти института пополняют и обусловливают друг друга» [32, с. 325].

В окончательной редакции указанные выше нормы нашли отражение в ст. 168–175 главы 2 Уложения 1845 г. Собственно же выдаче посвящена лишь ст. 173, в которой говорится, что русские подданные, совершившие преступление на территории России и бежавшие за

границу, подлежат экстрадиции. В отношении таких лиц полностью действует указанное Уложение.

Конвенции 1866–1880 гг. характеризуют выделяемый в литературе третий период в истории договорной практики России об экстрадиции. «...С 1866 г., т. е. после издания судебных уставов, водворивших полное доверие в иностранных государствах к правильному отправлению правосудия в России, наше правительство стало заключать специальные конвенции о выдаче преступников» [35, с. 136]. С 1866 по 1911 г. было заключено 24 конвенции о выдаче со многими европейскими государствами: Великобританией (1886), Португалией (1867), Испанией (1888) и др.

Именно в это время было подписано соглашение с Нидерландами (7 [19] апреля 1867 г.). 1 августа 1880 г. оно было заменено новой конвенцией, которая, во-первых, содержала специальное положение о невыдаче собственных граждан, во-вторых, закрепила более широкий перечень деяний, за совершение которых лицо подлежало экстрадиции. Достаточно сказать, что если в первом соглашении называлось семь видов преступлений, то во втором – 25 видов, к тому же имелась оговорка, согласно которой выдача предусматривалась и за покушение на совершение преступления и соучастие в совершении преступления (если они были наказуемы по законодательству государства места пребывания виновного).

Большинство конвенций, заключенных в третий период, в целом имеют схожий характер, в большинстве случаев отличаются той или иной степенью конкретизации того или иного обстоятельства экстрадиционной процедуры.

Уголовное уложение 1903 г. не внесло нового в законодательное регулирование выдачи преступника. Во-первых, в ст. 13 Уложения говорится лишь об иностранце, совершившем преступление вне пределов России, во-вторых, выдача обуславливается либо наличием договора с запрашивающим государством, либо действием принципа взаимности. В качестве препятствия для экстрадиции закон называет осуждение, оправдание или освобождение виновного от наказания в порядке, установленном российским законодательством [37].

В международно-правовой и уголовно-правовой литературе, обобщая историю разви-

тия и социально-правовую обусловленность экстрадиции, особое внимание обращают на ряд обстоятельств, характеризующих выдачу преступника: социально-правовые причины возникновения рассматриваемого института, основания и условия выдачи, запрет выдачи собственных граждан, особенности складывающейся экстрадиционной практики в отношении политических преступников и дезертиров и др. Так, А. А. Штинглиц указывает: «Безнаказанность вредна не только государству, в котором совершено преступление, но и всему человеческому обществу, и в частности тому государству, в пределы коего вошел преступник. Отсюда родилось понятие о необходимости выдачи преступников, и с течением времени понятие это сделалось общепризнанным» [41, с. II].

По мнению Г. Л. Вербловского, в выдаче проявляется зависимость одного государства от другого [5]. Однако надо иметь в виду, что автор говорит не о вассальной зависимости; другими словами, его нельзя воспринимать буквально. Речь идет о том, что преступлением, совершенным в одном государстве, повреждается «юридический организм», который не может быть исправлен без помощи другого государства, на территории которого оказался виновный. Таким образом, имеется в виду взаимная помощь и сотрудничество в противодействии преступности. Д. П. Никольский замечает, что институт экстрадиции как бы смягчает положения территориального действия закона в пространстве, законодательно закрепляет «начала международного общения» в сфере уголовной юстиции [18, с. 2].

Следует заметить, что теория международного общения охватывает несколько учений, среди них выделяется интернациональная (космополитическая) доктрина. Она зиждется на признании необходимости поддержания правового порядка не только в своей стране, но и в другом государстве. Лицо, совершившее посягательство на интересы какого-либо государства, должно быть преследуемо везде, где бы оно ни находилось. Право преследования принадлежит прежде всего тому государству, на территории которого совершено преступление. «Государство может наказать за преступление, совершенное за его пределами; но эта деятельность его не самостоятельная, а вспомогательная: право суда и наказания сначала

принадлежит тому государству, в котором преступление совершилось» [18, с. 15].

Примерно так же оценивает значение рассматриваемого института Н. С. Таганцев. Он пишет: «Обязанность по охранению правового порядка, налагаемая на государство его международными отношениями, может быть выполняема независимо от суда над бежавшими к нам преступниками и посредством их выдачи другому государству для суда и наказания... Государство... не может оставаться безразличным к лицам, учинившим где-либо преступное деяние и бежавшим на его территорию... Выдача есть такой же юридический институт, в котором проявляется карательная правоохрана государством юридических благ, как и суд за преступные деяния...» [35, с. 135].

Аналогичная характеристика института выдачи преступника встречается в работах и других криминалистов XIX в. (например, А. Ф. Кистяковского [11, с. 40]).

В экстрадиционной практике возникали вопросы, которые непосредственно не находили отражения в межгосударственных договорах о выдаче. К числу таковых, например, в теории права относили возможность выдачи лица, случайно оказавшегося на территории страны убежища. Позиции ученых по этому поводу разнились. Логика рассуждений сторонников выдачи преступников в указанной ситуации в целом была следующей. Коль скоро в ряде конвенций говорится о беглом преступнике, т. е. о лице, осознанно бежавшем в другую страну с целью избежать наказания за совершенное преступление, то, следовательно, этим уже предопределялся вывод о невозможности его выдачи запрашивающему государству. Д. П. Никольский в связи с этим замечает: «Но такое заключение было бы ошибочно, потому что не во всех конвенциях можно найти указанный термин, поэтому нельзя на словах некоторых только конвенций основать утвердительного ответа» [18, с. 132].

К числу дискуссионных относились и другие вопросы: о первичной и повторной выдаче; реальной и условной выдаче; окончательной и временной выдаче; передаче выданного преступника государством места совершения преступления третьему государству; осуждении за совершение двух и более преступлений при условии, что в запросе о выдаче указывалось

лишь одно деяние; удержании лица в государстве места совершения преступления после отбытия им наказания и др.

Резюмируем изложенное:

1. История экстрадиционного права в литературе рассматривается в неразрывной связи с генезисом права убежища. Это вполне объяснимо, поскольку указанные институты генетически связаны, имеют в качестве выдаваемого (или, наоборот, невыдаваемого) лицо, совершившее преступление, хотя и находятся при этом на диаметрально противоположных точках континуума. Применение одного института исключает применение другого. Если право выдачи преследует цель привлечения лица к уголовной ответственности за преступление, совершенное на территории другого государства, или обеспечения отбывания наказания, назначенного судом другого государства, то право убежища, возникнув, как и право выдачи преступника, в древности, выполняет иную функцию, обусловленную межобщинными отношениями, – ограничения кровной мести.

2. Экстрадиция вызвана к жизни потребностями практики в целях обеспечения неотвратимости наказания за совершенное преступление независимо от того, на территории какого государства было учинено деяние и задержан виновный. Институт выдачи, будучи непосредственно связанным с международным сотрудничеством в сфере противодействия преступности, обусловил становление согласованных правил и принципов экстрадиции, в том числе положений, гарантирующих права экстрадируемого лица.

3. Правовая база экстрадиции складывалась неравномерно. Наибольшее количество межгосударственных договоров о выдаче Россия заключила в период с 1866 по 1911 г. При этом надо иметь в виду, что нормы об экстрадиции содержались не только в специальных актах, но и в конвенциях, посвященных мореплаванию и международной торговле.

Список использованных источников

1. Аракчеев В. А. Проблема «урочных лет» в Русском государстве в конце XVI – начале XVII в. // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. 2008. № 85. С. 31–37.
2. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М.: Типо-Лит. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. 730 с.

3. *Бойцов А. И.* Выдача преступников. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 793 с.
4. *Вениаминов А. Г.* Институт экстрадиции как форма международно-правового сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 27 с.
5. *Вербловский Г. Л.* О взаимной выдаче преступников и дезертиров // Юридический вестник. 1867. Кн. 6. С. 3–48.
6. *Волженкина В. М.* Выдача в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2002. 332 с.
7. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
8. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М.: Госюриздат, 1956. 868 с.
9. *Гуськов И. Ю.* Возникновение и становление института экстрадиции в России // Российский следователь. 2016. № 5. С. 7–11.
10. История государства и права: сб. документов: в 2 ч. М.: Юридическая литература, 1968. Ч. 1. 504 с.
11. *Кистяковский А. Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права. Киев: Унив. тип., 1875. 413 с.
12. *Крупцов А. А., Моисеев Е. Г., Чучаев А. И.* Выдача лиц, совершивших преступление. М.: Проспект, 2011. 142 с.
13. *Лохвицкий А.* О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М.: Унив. тип., 1885. 106 с.
14. *Маньков А. Г.* Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980. 272 с.
15. *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1883. Т. 2. 586 с.
16. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15 т. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1883. Т. 6. 501 с.
17. *Нигматуллин Р. В.* К истории формирования института выдачи в российском законодательстве // Российский следователь. 2005. № 6. С. 59–62.
18. *Никольский Д. П.* О выдаче преступника по началам международного права. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. 540 с.
19. *Очкасова И. В.* Эволюция научных представлений об экстрадиции (выдаче преступников) в национальном праве // Эволюция и революция в праве. Самара: Инсома-Пресс, 2018. С. 34–53.
20. *Панов В. П.* Международное уголовное право. М.: ИНФРА-М, 1997. 309 с.
21. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. 1. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1041 с.
22. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. 5. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 780 с.
23. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. 8. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1016 с.
24. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 г. Ч. 1. Основания уголовного права. СПб.: Сенатская тип., 1813. 49 с.
25. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 г. Ч. 2. О наказаниях за государственные и общественные преступления. СПб.: Сенатская тип., 1813. 110 с.
26. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 г. Ч. 3. О наказаниях за частные преступления. СПб.: Сенатская тип., 1813. 115 с.
27. Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный Совет, с подробным означением оснований каждого из внесенный в сей проект постановлений. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1871. 875 с.
28. *Родионов К. С.* Была ли в Договоре 911 г. Киевской Руси с Византией норма о выдаче // Государство и право. 2006. № 3. С. 75–85.
29. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.
30. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского цивилизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.
31. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. М.: Юридическая литература, 1985. 511 с.
32. Свод замечаний на проект общей части уложения о наказаниях, выработанный редакционной комиссией: в 5 т. / под ред. Э. Ю. Нольде. СПб., 1884. Т. 4. 498 с.
33. *Симсон Э.* О невыдаче собственных подданных. Международно-правовое исследование. СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1892. 422 с.
34. Судебники XV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 615 с.
35. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть общая: в 2 т. СПб.: Гос. тип., 1902. Т. 1. 660 с.
36. *Тесленко А. М.* Выдача иностранцев в России (вторая половина XIX – XX в.) // Российский юридический журнал. 2000. № 3. С. 155–158.
37. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Министерства юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия, и общего собрания Государственного Совета. СПб.: Гос. тип., 1904. 1122 с.
38. *Флоря Б. Н.* Об установлении «заповедных лет» в России // Отечественная история. 1999. № 5. С. 121–124.
39. *Шаргородский М. Д.* Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве // Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 588–610.
40. *Шмидт С. О.* Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 30–34.

41. *Штиглиц А.* Исследование о выдаче преступников. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1882. 228 с.

References

1. *Arakcheev V. A.* The problem of "fixed years" in the Russian State in the late 16th – early 17th centuries. *Bulletin of the Herzen State Pedagogical University*. 2008. No. 85. P. 31–37 [in Russ.].
2. *Belyaev I. D.* Lectures on the history of Russian legislation. Moscow: S. A. Petrovsky and N. P. Panin Printing House, 1879. 730 p. [in Russ.].
3. *Boytsov A. I.* Extradition of criminals. St. Petersburg: Yuridichesky Tsentr Press, 2004. 793 p. [in Russ.].
4. *Veniaminov A. G.* The institute of extradition as a form of international legal cooperation of the Russian Federation in criminal proceedings: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law. Moscow, 2010. 27 p. [in Russ.].
5. *Verblovsky G. L.* On the mutual extradition of criminals and deserters. *Legal Bulletin*. 1867. Book 6. P. 3–48 [in Russ.].
6. *Volzhenkina V. M.* Extradition in Russian criminal procedure. Moscow: Yurlitinform, 2002. 332 p. [in Russ.].
7. *Grekov B. D.* Kievan Rus. Moscow: Gospolitizdat, 1953. 568 p. [in Russ.].
8. *Grotius G.* On the law of war and peace. Moscow: Gosyurizdat, 1956. 868 p. [in Russ.].
9. *Guskov I. Yu.* The emergence and development of the institute of extradition in Russia. *Russian Investigator*. 2016. No. 5. P. 7–11 [in Russ.].
10. History of the state and law: Coll. documents: in 2 parts. Moscow: Legal literature, 1968. Part 1. 504 p. [in Russ.].
11. *Kistyakovskiy A. F.* Elementary textbook of general criminal law. Kiev: University Printing House, 1875. 413 p. [in Russ.].
12. *Kruptsov A. A., Moiseev E. G., Chuchaev A. I.* Extradition of persons who committed a crime. Moscow: Prospekt, 2011. 142 p. [in Russ.].
13. *Lokhvitsky A.* About prisoners according to ancient Russian law (XV, XVI, XVII centuries). Moscow: University Printing House, 1885. 106 p. [in Russ.].
14. *Mankov A. G.* Code of 1649 – code of feudal law of Russia. Leningrad: Nauka, 1980. 272 p. [in Russ.].
15. *Martens F. F.* Modern international law of civilized nations: in 2 vols. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Railways, 1883. Vol. 2. 586 p. [in Russ.].
16. *Martens F. F.* Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers: in 15 vols. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Railways, 1883. Vol. 6. 501 p. [in Russ.].
17. *Nigmatullin R. V.* On the history of the formation of the institute of extradition in Russian legislation. *Russian Investigator*. 2005. No. 6. P. 59–62 [in Russ.].
18. *Nikolskiy D. P.* On the extradition of a criminal on the principles of international law. St. Petersburg: Printing House of M. M. Stasyulevich, 1884. 540 p. [in Russ.].
19. *Ochkasova I. V.* Evolution of scientific concepts of extradition (extradition of criminals) in national law. Evolution and Revolution in Law. Samara: Insoma-Press, 2018. P. 34–53 [in Russ.].
20. *Panov V. P.* International criminal law. Moscow: INFRA-M, 1997. 309 p. [in Russ.].
21. Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection. Vol. 1. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. 1041 p. [in Russ.].
22. Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection. Vol. 5. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. 780 p. [in Russ.].
23. Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection. Vol. 8. St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830. 1016 p. [in Russ.].
24. Draft Criminal Code of the Russian Empire of 1813. Part 1. Foundations of criminal law. St. Petersburg: Senate Printing House, 1813. 49 p. [in Russ.].
25. Draft Criminal Code of the Russian Empire of 1813. Part 2. On punishments for state and social crimes. St. Petersburg: Senate Printing House, 1813. 110 p. [in Russ.].
26. Draft Criminal Code of the Russian Empire of 1813, Part 3. On punishments for private crimes. St. Petersburg: Senate Printing House, 1813. 115 p. [in Russ.].
27. Draft Code of Criminal and Correctional Punishments, submitted to the State Council in 1844, with a detailed designation of the grounds for each of the regulations included in this draft. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1871. 875 p. [in Russ.].
28. *Rodionov K. S.* Was there a provision on extradition in the Treaty of 911 between Kievan Rus and Byzantium? *State and Law*. 2006. No. 3. P. 75–85 [in Russ.].
29. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 vols. Vol. 1. Legislation of Ancient Rus. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1984. 430 p. [in Russ.].
30. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 vols. Vol. 2. Legislation of the period of the formation and strengthening of the Russian civilized state. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1985. 519 p. [in Russ.].
31. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 vols. Vol. 3. Acts of the Zemsky sobors. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1985. 511 p. [in Russ.].
32. *Nolde E. Yu.* (Ed.). Collection of comments on the Draft General Part of the Penal Code, Developed by the Editorial Commission: in 5 vols. St. Petersburg, 1884. Vol. 4. 498 p. [in Russ.].
33. *Simson E.* On the non-extradition of one's own subjects. International Legal Research. St. Petersburg: R. Golike Printing House, 1892. 422 p. [in Russ.].
34. Codes of Law of the 15th–16th Centuries. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. 615 p. [in Russ.].
35. *Tagantsev N. S.* Russian criminal law. General part: in 2 vols. St. Petersburg: State Type, 1902. Vol. 1. 660 p. [in Russ.].
36. *Teslenko A. M.* Extradition of Foreigners in Russia (second half of the 19th – 20th centuries). *Russian Law Journal*. 2000. No. 3. P. 155–158 [in Russ.].
37. Criminal Code of March 22, 1903, with motives extracted from the explanatory note of the editorial

commission, the submission of the Ministry of Justice to the State Council and the journals of the special meeting, special presence, and general meeting of the State Council. St. Petersburg: State Type, 1904. 1122 p. [in Russ.].

38. *Florya B. N.* On the establishment of "reserved years" in Russia. *Domestic History*. 1999. No. 5. P. 121–124 [in Russ.].

39. *Shargorodsky M. D.* Extradition of criminals and the right of asylum in international criminal law. Selected works. St. Petersburg: Yuridichesky Tsentr Press, 2004. P. 588–610 [in Russ.].

40. *Schmidt S. O.* Russian captives in Crimea and the system of their ransom in the middle of the 16th century. Issues of socio-economic history and source studies of the feudal period in Russia: a collection of articles for the 70th anniversary of A. A. Novoselsky. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1961. P. 30–34 [in Russ.].

41. *Stiglitz A.* Research on the extradition of criminals. St. Petersburg: Printing house of the Panteleev brothers, 1882. 228 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 16.09.2025

Received September 16, 2025